

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН
НАЦИОНАЛЬНЫЙ МУЗЕЙ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ АКАДЕМИИ НАУК ТАТАРСТАНА

Материалы
КРАЕВЕДЧЕСКИХ ЧТЕНИЙ,

посвященных
135-летию Общества естествоиспытателей при КГУ,
110-летию со дня рождения М.Г. Худякова

22 – 25 марта 2004 г.

ШКОЛА

Казань
2004

УДК 908
ББК 26.89(2Рос. Тат)
К 78

Оргкомитет краеведческих чтений:

Председатель:

Г.С. Муханов, кандидат филологических наук,
генеральный директор НМ РТ,
заслуженный работник культуры РТ.

Сопредседатель:

Г.Р. Назипова, кандидат исторических наук,
1-ый заместитель генерального директора
по научно-исследовательской работе.

Члены оргкомитета:

Т.К. Десяткова, ученый секретарь,
К.А. Руденко, кандидат исторических наук,
заведующий отделом археологии,
М.П. Новикова, заведующая отделом естественной истории.

Редакционная коллегия:

Г.С. Муханов, Г.Р. Назипова, Л.К. Гуцина, Л.Г. Алексеева

Краеведческие чтения, посвященные 135-летию Общества ес-
К 78 **тествоиспытателей при КГУ и 110-летию М.Г. Худякова. - Казань:**
РИЦ "Школа", 2004. - 484 с.

В сборник вошли материалы краеведческих чтений, состоявшихся в Национальном музее Республики Татарстан с 22 по 25 марта 2004 г. и посвященных 135-летию Общества естествоиспытателей при КГУ и 110-летию со дня рождения Михаила Георгиевича Худякова (1894 – 1936), археолога, историка, этнографа и музейного деятеля.

Михаил Георгиевич Худяков и удмуртский героический эпос

В.М. Ванюшев,
главный научный сотрудник Удмуртского института истории,
языка и литературы УрО РАН, д.ф.н., профессор,
г. Ижевск

Наряду со 135-летием общества естествоиспытателей при Казанском университете мы отмечаем сегодня 110-летие со дня рождения археолога, историка, этнографа и музейного деятеля Михаила Георгиевича Худякова. Так отмечено в информационном письме организаторов этих Чтений. При этом совершенно несправедливо остаются вне внимания такие стороны деятельности нашего юбиляра, как фольклористика и литературно-художественное творчество. Между тем мы можем назвать его классиком удмуртской литературы, соединившим в своем творчестве такие две фазы, две формы бытования и развития национального словесного искусства, как фольклор и собственно письменная, авторская художественная литература. Он был одним из основоположников удмуртской литературы, внесшим убедительный вклад в создание единого, цельного письменного текста удмуртского героического эпоса. Не беда, что его сочинение, о котором идет речь, написано на русском языке. Произведения, созданные на иных языках, в истории национальных литератур, особенно в первоначальный период их развития, явление обычное.

Героический эпос, как известно, это жанр устного или письменного повествования о прошлом, содержащий целостную картину народной жизни и представляющего в гармоническом единстве некий эпический мир обстоятельств и мир героев-богатырей, где последние являются выразителями самой сущности народа. В истории культуры известны произведения этого жанра, дошедшие до нас как в письменной, книжной форме («Илиада», «Одиссея», «Махабхарата», «Рамаяна», «Боевульф»), так и в форме целостных устных повествовательных полотен, такие как «Джангар», «Алпамыш», «Манас». Известно бытование народного эпоса и в виде серии или циклов отдельных повествовательных песен, исполнявшихся, как правило, под аккомпанемент музыкальных инструментов.

Несмотря на попытки некоторых исследователей (в частности К.П. Чайникова – Кузеева Герда) утвердить мысль о том, что у удмуртов, как и, скажем, у киргизов «Манас» или у калмыков «Джангар», в устном

бытовании существовало цельное эпическое произведение, в последние десятилетия фольклористы пришли к выводу, что такого цельного текста не существовало. Эпические сказания бытовали в народе в виде отдельных сюжетов или циклов, объединенных повествованием о подвигах одного какого-либо героя или о событиях в какой-либо местности. В конце XIX и в начале XX веков такие сюжеты были записаны в полевых условиях и опубликованы в научных изданиях удмуртскими и иноязычными фольклористами и этнографами. Тексты зафиксированы и опубликованы в прозаической форме изложения. Однако можно предположить, что бытовали они в народе все-таки в песенной, речитативной форме, а исследователи, не совсем хорошо владевшие удмуртской речью, или, может быть, получившие материал не в традиционном исполнении, а лишь в пересказе, могли их представить в прозе. Такое предположение усиливается и тем, что сюжет о калмезских богатырях, записанный венгерским ученым Бернатом Мункачи от военнопленного удмурта во время первой мировой войны, как показал другой венгерский ученый, Геза Кепеш, легко поддается делению на ритмизированные стихотворные строки. Венгерский финно-угровед Петер Домокош, много занимавшийся удмуртским фольклором и историей удмуртской литературы, хотя и сомневается, что Геза Кепеш верно определил длину строк повествования, также приходит к выводу, что записанные в конце XIX – начале XX века удмуртские эпические сюжеты в народном бытовании исполнялись в виде ритмизированных песен (*Домокош П.* История удмуртской литературы / Пер. с венг. В. Васовчик. Ижевск: Удмуртия, 1993. С. 119–122).

М. Г. Худяков, как и Кузубай Герд, никогда не сомневался, что удмуртские эпические сказания основывались на песенном ритморяде. Собрав публикации отдельных прозаических сюжетов удмуртского народного эпоса и основываясь на опыте Элиаса Лённрота, сотворившего всемирно известную «Калевалу», он решил в стихотворной форме создать единый, сквозной сюжет удмуртского эпоса.

В оставшейся в архивных фондах рукописи М. Г. Худяков указывает, кто до него занимался удмуртским эпосом. В частности, он пишет: «Отдельные отрывки вотского эпоса были записаны Н. Г. Первухиным, Б. Гавриловым, Б. Мункачи, Верещагиным и Жаковым. В 1917 г. К. П. Чайниковым было сделано открытие, что все записанные сказания представляют собой не что иное, как части единого эпоса. Чайниковым был записан полностью «Докьявыл» – местный вариант эпоса в д. Б. Докье, Б. Учинской вол. Малмыжского уезда. Нами включены в эпос только небольшие отрывки из «Докьявыл» (*М. Г. Худяков.* Из народного эпоса вотяков. Пес-

ни, сказания. //Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Отдел рукописи. Архив М.Г. Худякова. Ф.828, ед. хр. 18. Б. д. Кол л. 55. С.55 об. . Далее — ссылки на этот фонд с указ. стр.).

«В настоящее издание, — писал он здесь же, из чего следует, что он готовился издать этот труд, — вошло 10 эпических песен». Далее идет перечисление названий глав с указанием, чьими публикациями он пользовался при создании той или иной главы. Воспроизведем эту запись полностью.

«I Песнь о боггах, Первухин

II || о зэрпалах, Потанин, Жаков

III || о веке Кылдысина, Первухин

IV || об утраченном счастье [не указывает]

V || о воплощениях Кылдысина, Первухин

VI Песнь о богатырях Дондынского круга, Первухин

VII || о калмезских богатырях, Гаврилов, Мункачи

VIII || о борьбе с черемисами, Гаврилов, Кузнецов, Чайников

IX || о священной книге, Гаврилов, Первухин

X || о будущих временах, Спицын, Гаврилов»

(Там же).

В этих заключительных записях автора эпического полотна находим и его замечания о том, что он считал главным содержанием своего произведения. Он писал: «В этих сказаниях три главных песни — о временах Кылдысина, о богатырях Дондынского края и о подвигах князя Можги». И далее, отмечая локальные особенности песен о батырах, оговаривался: «Правда, то, что в Чибери поют про Бурсина, в Бие про Янтамыра, в Докье про Можгу, в Карьях [?] и в Сосновке поют про Идну». Автор объяснял и причину выбора используемого им варианта. «Мы приурочиваем, — писал он, — подвиги эти к Бурсину, а не к Идне, потому что преданье о них дошло с наибольшею полнотой в том варианте, который приурочен к Бурсину (записи Б. Мункачи)». Объяснил и то, какие части из «Докьявыла» К.Герда он использовал. «Из него мы взяли, — писал М. Г. Худяков, — только отрывки — песни о зэрпалах, о небе, о гуслях и о волшебных конях, живших в Вале» (с.55) (Вала — это река, протекающая по Удмуртии, левый приток Кильмези. — В. В.).

Как теперь выяснено, над созданием этого произведения М. Г. Худяков начал работать еще до Великого Октября, может быть, даже будучи студентом историко-филологического факультета Казанского университета, в те времена, когда он принимал активное участие в научных экспедициях и собирал фольклорно-этнографический материал о жизни наро-

дов Поволжья. Об этом свидетельствует и орфография значительной части рукописи, соответствующая русскому правописанию до реформы 1917–1918 годов. Работа осталась незавершенной. Рукопись, обнаруженная в архивах публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Санкт-Петербурге, содержит 55 заполненных с обеих сторон листов (т.е. 110 страниц) формата А 4 и частично – его половины. Две главы («Песнь первая. Инмар, Кылдысин и Квась» и «Песнь вторая. Зэрпалы») полностью и небольшая часть «Песни третьей. Воршуд» автором переписаны начисто; остальная часть представляет собой черновики различной степени авторской обработки и саморедактирования. Наиболее необработанная часть, кстати сказать, написанная уже по правилам послеоктябрьской орфографии и представляющая собой чуть более половины всей рукописи, начинается со страницы 26 и включает в себя материалы песен с шестой по десятую. Надо полагать, что некоторая часть рукописи, действительно являющаяся черновиками, некогда была уже перебелена, т. е. переписана из других, хотя бы фрагментарных записей и черновиками стала уже в процессе дополнительной работы, многократного редактирования и вставок.

Таковым является и «Вступление», которое мы находим на шестнадцатой странице рукописи. Как и в «Калевале», он вводит читателя и возможного слушателя в мир эпического повествования, задает тон исторической условности, представляет как бы «правила игры». Оно состоит из 30 строк. Приведем мы его целиком.

- 1 *В том краю, где реки быстры,*
- 2 *где река Чепца синее,*
- 3 *где в лесах живут медведи,*
- 4 *где отважно-смелы люди,*
- 5 *там возникли эти песни,*
- 6 *эти древние легенды,*
- 7 *эти славные сказанья.*

- 8 *В том краю живут уд-мурты*
- 9 *племена ватка, калмезов*
- 10 *и народ шудзя могучий.*
- 11 *Рядом с ними поселились*
- 12 *чужеземные бигеры,*
- 13 *многочисленные поры .*

14 Все народы эти храбры,
15 много подвигов свершили,
16 много славы воспевают
17 в древних, дедовских преданьях.

18 И рассказывают старцы
19 эти песни юным детям,
20 и под звуки звонких гусель
21 эти славные примеры
22 входят в душу молодежи,
23 зажигают в ней отвагу,
24 светлый пламень жажды славы,
25 возбуждают подражанье
26 древним доблестным героям.

27 Эти песни мы слышали
28 от столетнего Ожмега
29 из Большой Докы, из рода
30 темно-серого медведя*.

Каждая строка нумерована автором. Строки 27–30 он почему-то вычеркнул. Однако мы оставляем их, считая, что они, хотя, конечно, не являются паспортизацией текста (может быть, поэтому их вычеркнул автор), но представляют собой способ выражения фольклорно-мифологической типизации и обобщения изображаемого.

Писатель, следуя требованиям жанра национального эпоса, в котором положительную эмоциональную оценку получает все то, что содействует возникновению и укреплению рода, этноса, и со знаком минус маркируется все, что противостоит этому, устами своего повествователя проводит читателей через воображаемый мир появления первых людей, удмуртов, сочувствия им и поддержки их со стороны трех главных божеств – Инамара, Кылдысина и Квазя, благодарности им со стороны людей, а впоследствии и ссоры с ними и сурового наказания удмуртов со стороны богов. Затем следуют времена укрепления отдельных удмуртских родов во главе с их батырами, отдельных столкновений между ними,

*Здесь, как и во всем тексте произведения, пробелы между отдельными частями микросюжетов, как бы между строфами, проставлены нами при подготовке рукописи к публикации – для облегчения восприятия относительно завершенных мыслей. — В.В.

борьба против иноплеменных пришельцев, таких, как марийцы и русские, вторые из которых стали оскорблять религиозную веру удмуртов и разрушать места их языческих молений. Кульминацией произведения является публичное сожжение священной книги удмуртов из бересты, в которую с помощью пиктографии (пусов) были записаны из века в век передающиеся молитвы и порядок традиционных обрядов и судопроизводства, а также сведения о наиболее значимых событиях в истории народа. Инициатором уничтожения книги стал главный хранитель ее – Вксысь, т. е. жрец, полагавший, что таким путем возможно утратить и делать вид, что удмурты уже не придерживаются своей старой, языческой веры. Богом Кылдысином, хранителем и питателем народа, такой поступок был воспринят как предательство, как добровольная капитуляция, и он сделал так, чтобы у этого народа не было более положительного будущего. Нынешние беды народа порождены тем, что он не стал отстаивать свою самобытность, сдался противостоящей силе – таков идейно-психологический вывод истории, изложенной в данном сочинении М.Г. Худяковым. И он вполне согласуется с основными требованиями жанра народного эпоса.

Создавая эпическое полотно, М. Г. Худяков проявил незаурядные литературно-творческие дарования. Главной заслугой его здесь, по-видимому, следует считать то, что он из фрагментарных записей своих предшественников по всем правилам литературного творчества выстроил сквозной занимательный сюжет со своей завязкой, кульминацией и развязкой. Автор хорошо владеет образным художественным словом. Перед читателем развертываются запоминающиеся образы богов Инмара, Кылдысина и Квазя, а также Донды, Идны, Можги-Бурсина, Селты и других батыров, предводителей родов, возникает романтический ореол взаимоотношений богов и людей, гиперболизированной мир повседневности – освоения людьми новых территорий, строительства своих поселений, быта, хлебопашества, охоты, жарких схваток баталий... В результате складывается воочию представимый многомерный, мифологически обобщенный, романтизированный уклад жизни, образ мышления и чувств, особенностей психологии и поступков удмуртов на протяжении тысячелетий. Это становится возможным благодаря особому сочетанию фольклорно-мифологического и литературно-художественного способов типизации явлений жизни.

Характерной чертой эпоса является воспевание «золотого века» прошлого (в данном случае – Века Кылдысина) и неприятие современных неурядиц жизни. Однако сочинение М.Г. Худякова заканчивается все-таки

на оптимистической ноте. Она звучит в «Заключении» произведения. Приведем и этот текст целиком.

*Мы пропели песни эти,
эти древние сказанья,
что певали наши деды,
в старину, в былые годы.*

*Пусть те подвиги героев,
о которых пели струны,
служат в жизни нам примером,
старики пусть мудры будут,
пусть отважны молодые,
пусть уд-мурты помнят храбрость,
силы доблестных батыров,
пусть, внимая древним песням,
станут лучше и добрее.*

*Пусть сойдет с лица тревога,
пусть заботы унесутся,
пусть в сердцах желанье будет
сделать жизнь светлее, чище,
жить по правде, жизнью-предков,
прославляя Кылдысина.*

*Прослезившийся невольно
будет с ясною душою .
(С. 53 об.).*

Вслед за «Заключением» в рукописи стоят цифры: 11/24 II. 1922. Думается, они указывают дату завершения чернового варианта произведения: одиннадцатого числа по старому стилю и двадцать четвертого — по новому февраля месяца указанного года. Но и на этом рукопись еще не завершается. Далее помещены отдельные стиховые фрагменты, явно рассчитанные на то, чтобы их вставить в необходимые места ранее написанных глав. Значит, работа над рукописью продолжалась. За этими фрагментами следуют объяснения автора об источниках эпических сюжетов, использованных им, и о структуре всего произведения, руководствуясь которыми и удалось публикаторам по нерасчлененным записям автора вычленять, отбирать и располагать в соответствии с его планом отдельные главы и сюжеты, восстановить целостность замысла автора труда.

Когда же переписывал М. Г. Худяков начисто первые главы эпоса и вообще когда последний раз работал он над рукописью? Что послужило причиной того, что он забросил работу, не завершив ее? Каким бы явился цельный, завершённый вариант эпоса М. Г. Худякова? Эти и другие вопросы, ответов на которые сегодня не имеется, поныне волнуют исследователей.

Известно, что после бурного взлета научной и научно-организационной карьеры М. Г. Худякова на долгие десятилетия наступил период общественного неприятия его. Естественно, без внимания оставалось и его богатое творческое наследие, в т. ч. и его деятельные устремления по созданию единого письменного варианта героического эпоса удмуртов. Вместе с добрым именем нынешнего юбиляра трудный путь возвращения в народ проходят и эпические сказания, изложенные им в стихах в виде единого сюжета цельного литературного произведения.

В 1966 году, работая в архиве библиотеки им. Салтыкова-Щедрина, удмуртский литературовед Ф. К. Ермаков обнаружил рукопись, о которой и идет речь сейчас. Лишь спустя двадцать лет удмуртский поэт и фольклорист Д. А. Яшин, будучи на стажировке в Ленинграде, скопировал ее и, вернувшись в Ижевск, проведя большую научно-исследовательскую и текстологическую работу, подготовил к печати. Произведение М. Г. Худякова под названием «Песнь об удмуртских батырах» (Из народного эпоса удмуртов. Песни, сказания...) вместе с предисловием «Из опыта создания удмуртского эпоса» (О рукописи М. Г. Худякова «Из народного эпоса вотяков...») и комментариями публикатора увидел свет в 1986 году в сборнике статей «Проблемы эпических традиций удмуртского фольклора и литературы» Научно-исследовательского института при СМ УАССР. Публикация была произведена с купорами, исключены целиком десятая глава и значительная часть девятой, в которых речь идет о противостоянии русских пришельцев и коренного населения удмуртского края. Тогда боялись писать о межэтнических столкновениях с русскими даже в те далекие исторические, вернее сказать – мифологические времена. Между тем противостояние родов, разноязычных племен – одна из основных конфликтных ситуаций, являющихся ядром классических эпических повествований. «В классических формах эпоса, – сказано об этом, в частности в «Литературном энциклопедическом словаре» (М., 1987), – богатыри-вожди и воины представляют историческую народность, а их противники часто тождественны историческим «захватчикам», иноземным и иноверным угнетателям (напр., турки и татары в славянском эпосе) <...> В классических формах эпоса воспеваются историчес-

кие (или псевдоисторические) лица и события, хотя само изображение исторических реалий подчинено традиционным сюжетным схемам <...> Эпический фон обычно составляет борьба двух этнических племен или народностей (в большей или меньшей мере соотносящихся с реальной историей). В центре часто стоит военное событие – историческое <...>, реже – мифическое<...>» [с.515].

Сочинение М. Г. Худякова вполне соответствует всем этим требованиям классического эпоса. В событиях, описанных в нем, есть и историческая, и мифологическая основа.

Публикация в малотиражном сборнике научных статей, к тому же с большими купюрами и со многими редакционными вмешательствами публикатора, хотя и явилась решительным шагом по освоению литературного наследия М. Г. Худякова, однако не могла достойно представить истинную значимость произведения для культурно-исторического самосознания народа. Это обстоятельство, спустя еще десяток лет, и побудило С.Ф. Васильева и В. Л. Шибанова опубликовать полностью девятую и десятую главы эпоса М. Г. Худякова в книге «Под тенью зэрпала» (Ижевск, 1997), а автора данных строк взяться за вольный поэтический перевод этого произведения на удмуртский язык и за подготовку отдельного издания труда как в переводе, так и в оригинале, с дополнительной текстологической обработкой рукописи, с восстановлением авторских вариантов отдельных слов и строк, порядка расположения некоторых фрагментов после публикации произведения Д. А. Яшиным.

Свою публикацию на русском языке мы озаглавливаем «Век Кылдысына». Так названа одна из глав самим М. Г. Худяковым. Мы сочли возможным так назвать все произведение. В нем идет повествование о том, как нелегко наступал это блаженный век, и о том, как люди его потеряли. Таким образом, жизнь людей в Век Кылдысына становится центральным мифологическим периодом и изображением, и идейно-эмоционального осмысления повествователем эпоса. Перевод на удмуртский язык мы называем двусоставным словом «Дрвыжы». «Дор» – это Родина, вбирающая в свое содержание не только территорию места рождения и проживания, но и все духовное начало, связанное с нею, а «выжы» – это родство поколений людей, корни, уходящие в глубь веков.

Текст эпоса на удмуртском языке прозвучал в 2000 году в шести передачах республиканского радио, в том же году опубликован в литературном журнале «Кенеш», оформлен в виде отдельной книги с богатой иллюстрацией художника В. И. Михайлова. Однако выпустить ее помешали финансовые затруднения. Наконец, все-таки составлен уже и дого-

вор между Министерством культуры УР, с одной стороны, и УИИЯЛ УрО РАН, с другой, о совместном издании этой книги. Министерство нашло уже и средства на эти цели. Но бедность научного института все еще стоит на пути возвращения народу его героического эпоса, литературно обработанного М. Г. Худяковым и учеными – пропагандистами его литературного творчества. Однако народный эпос, можно сказать, – явление космогоническое, и он, преодолев какие бы то ни было препятствия, через боль и страдания его почитателей, несомненно, найдет свое достойное место в лоне всеобщей культуры.